

РАЗДЕЛ 2.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 101.1 : 316

Брега С.С.

ФЕНОМЕН УТОПИИ И АНТИУТОПИИ КАК ЯВЛЕНИЕ В СОЦИУМЕ*

Аннотация: В настоящей статье рассматривается проблема выявления явлений утопии и антиутопии, которые представляют собой результаты гносеологического осмысления социальной действительности и способствуют определению сущности данного социального явления.

Ключевые слова: утопия, антиутопии, амбиутопизм.

В начале XXI века человечество активно исследует возможные пути своего развития, что связано в первую очередь с усиливающимся динамизмом социальных процессов и разворачиванием в социуме незаметных ранее тенденций. В этой ситуации растет значимость не только определения перспектив видоизменения общества, но и способности преодолеть возникающие перед человечеством угрозы (ядерное уничтожение, генетическая катастрофа, перенаселение, социальные манипуляции), а также контроль сознания и поведения людей, т.е. те проблемы, основные контуры которых часто пытались обозначить различные мыслители в виде социальных предостережений, выступавших в форме *антиутопии*.

Изменчивая «текущая современность» придает социальности особую пластичность, делая возможным ее направленную трансформацию. Нынешнее состояние общества характеризуется постоянно растущей степенью разнопланового информационного воздействия на людей. Электронные СМИ, будучи ангажированы социальными акторами, властными структурами, различными общественными группами, воздействуют на общественное сознание, либо манипулируя им, либо выступая как своего рода «официальные эксперты», отстаивающие легитимность существующего социального миропорядка. С этой точки зрения, роль антиутопии и утопии как альтернативной версии символического универсума, противостоящей давлению, стимулирующей рефлексию, становится особенно важной [1, 290].

Сегодня одной из главных задач, стоящих перед социальной философией и социальной мыслью вообще является поиск оптимальных моделей социального порядка, в котором гармонично сочетались бы личные и общественные интересы, интересы ныне живущих и последующих поколений. Важную роль в такого рода конструировании играет антиутопия, которую можно рассматривать не только средством критической оценки реальности, но и способом моделирования дополнительной позиции или точки зрения, с помощью которой можно было сконструировать образ нежелательного общества. Многие исследователи полагают, что антиутопия нужна человечеству, как социальная форма, наиболее ярко выражающая пути и выбор методов организации человеческой жизни и возможность социального преобразования. Отсюда вытекает парадоксальный факт, что предметом антиутопии является не будущая, а современная действительность, которая посредством социального воображения пытается осмыслить, что происходит в мире и что происходит с самим человеком, а также может произойти в последствии. Но рассмотрение антиутопии невозможно без исследования ее противоположности – утопии.

Утопия и антиутопия предстают перед нами фактически двумя сторонами одной медали, они становятся часто взаимообусловленными, противоположными друг другу понятиями. Так, В. Штепа полагает, что антиутопия – общество, которое лишь формально сохраняет какие-то черты утопического идеала, но сущностно является его абсолютной противоположностью «утопией наизнанку» [2, 19].

Взаимосвязь утопии и антиутопии, целесообразно показать через анализ философского термина *амбиутопизм*, предложенного отечественными философами Л. Тульчинским и М. Эпштейном. «Амби в переводе с греческого (*amphi* – вокруг, около, с обеих сторон) указывает на двойственность или обратимость данного явле-

* © Брега С.С.

ния, которое включает свою противоположность, а также может применяться к тем противоположным общественным движениям, направлениям мысли, которые используют сходный круг понятий» [3, 17].

Амбиутопизм представляет собой сочетание утопизма и антиутопизма, противоречивое «амбивалентное» [4, 25], отношение к будущему, которое заряжено всеми их плюсами и минусами и напряженно ожидает их обратимость. Поскольку мы уже имеем позади, в XX веке, опыт пламенного утопизма, и не менее страстного антиутопизма, мы можем измерить тонкость их диалектической взаимосвязи: ведь самое страшное в утопиях, как считал русский религиозный философ Н. Бердяев, – то, что они сбываются. Вот почему к каждому нашему утопическому порыву примешивается антиутопический страх, который удерживает нас от поспешно безоглядных скачков прогресса. Мы пытаемся встроить в утопию механизм ее самоограничения, вставить антиутопические тормоза в ускоряющуюся машину прогресса [4, 17]. Таким образом, амбиутопизм как философский концепт показывает диалектическую взаимосвязь утопии и антиутопии. Далее перейдем к рассмотрению явления утопии.

Впервые понятие **утопии** ввел английский философ Т. Мор (греч. *у* – нет, *topos* – место). Буквально понятие «утопии» переводится как «место, которого нет». Имеется также и другое истолкование термина (греч. *eu* – совершенный, лучший, *topos* – место) совершенное, лучшее место. Следует признать, что имеющееся огромное количество утопий, созданных за долгую историю человечества, затрудняет формулировку точного определения этого понятия. Но можно попытаться рассмотреть это многообразие как нечто целое, обобщив их основные черты, сосредоточившись на том, что представляется типичным для утопии как социального явления в целом. Дать полноценное определение утопии сложно из-за изменчивости и многоплановости содержательного наполнения этого термина. Многие зависят от социальных условий, уровня индивидуального и общественного мышления, многообразия литературных жанров, которые представляют работы утопического характера.

К определению утопии как к некому идеальному конструкту относится научная позиция немецкого философа Л. Фогта. Утопия – это непреодолимая потребность людей создавать образ идеального общества, которое всем без исключений гарантировало бы счастливое существование. В утопиях ярко выражены самые сокровенные тайны человека и его мировоззрения. Они говорят о вечном стремлении к счастью, справедливости, свободе, гармонии, миру и порядку [5, 1-2].

Можно выделить два подхода к осмыслению утопии. Представители одного из них (Л. Фогт, Дж. Шкляр, и др.) настаивают на неосуществимости и нереальности утопических идей; представители другой позиции, напротив, видят в них образцы социального преобразования мира (К. Мангейм, М. Ласки, Х. Маравалль, и др.). Такая разнополярность мнений обусловлена, прежде всего, неоднозначностью и внутренней противоречивостью самой утопии: она одновременно парадоксально осуществима и неосуществима. С одной стороны, она в соответствии с этимологией термина и обычным словоупотреблением – «нигде не находящееся место»; с другой – она не просто фантазия и оторванные от реальной жизни мечтания, а содержит в себе некое волевое начало, имеющее определенную тенденцию воплощаться в действительности.

В большинстве современных исследований утопией называют «последовательное и детальное описание воображаемого, не локализованного во времени и пространстве совершенного общества, где созданы наилучшие условия для жизни граждан и в организации которого реализована альтернативная социальная гипотеза» [6, 299]. Более широкое определение звучит как «совокупность всех сочинений и трактатов, содержащих нереальные планы социальных преобразований» [7, 13; 7а].

Следует признать, что вопрос о сущности утопии так и остается открытым. Незавершенность исследований может быть объяснена тем, что различные авторы пытались одним термином обозначить два внешне, схожих, но имеющих различную природу феномена: утопию и антиутопию.

Феномен антиутопии тесно взаимосвязан с исторической эволюцией утопии. Так, по мнению культуролога Б. Егорова, если рай, пожалуй, самая древняя утопия во всей мировой культуре, то ад – самая древняя антиутопия: «как не надо поступать человеку в своих деяниях и что ему грозит в случае ослушания» [8, 124]. Отечественный философ В. Штепа полагает, что все утопии перерастают в антиутопии именно когда противодействие чему бы то ни было становится в них самоцелью и начинает доминировать над воплощением собственных идеалов [9, 98].

Представление о том, что антиутопия существует столько же времени, сколько и позитивная утопия, разделяет и американский историк Ф. Мэнзуэль. Понятие утопии, – пишет он в очерке «К психологической истории утопий», – с самого начала использовалось как в позитивном, так и в отрицательном смысле; оно обозначало одновременно и идеал, и сумасшедший проект. Отрицание великой мечты всегда, с первых же шагов утопической мысли, составляло параллельный поток.

Антиутопии не были изобретением авторов известных литературных произведений, таких как О. Хаксли, Е. Замятин, Дж. Оруэлл: в конце концов «Женщины в народном собрании» Аристофана были написаны в одно время с «Государством» Платона [10, 372].

Многие исследователи часто под антиутопией понимают произведение, автор которого критически относится к возможности создания справедливого общественного строя, в его картине часто будущее основано на манипулировании сознанием и поведением людей в рамках регламентированного и бюрократизированного общества или деградации человечества. Так, И. Фролова считает, что антиутопия это убеждение в недостижимости идеального общественного строя, в том, что любые попытки воплотить утопию превращаются в насилие над социальной действительностью и приводят к худшему состоянию общественного строя, а также к негативным последствиям научно-технической революции, возможности манипуляции сознанием и поведением людей, тревога за судьбу личности и человеческие права в предельно регламентированном и бюрократизированном обществе [11, 593].

В своем романе «Зияющие высоты» А. Зиновьев понимает антиутопию в широком смысле «как отражение последствий, связанных с построением общества, соответствующего тому или иному социальному идеалу» [12, 222]. В. Шестаков определяет антиутопию как критическое повествование об обществе, построенном на основе утопических принципов, где антиутопия есть тенденция, которая будучи распространенной на все социальное целое, приводит к авторитаризму и тоталитаризму [13, 36-37].

Антиутопия это течение общественной мысли, которое ставит под сомнение возможность достижения социальных идеалов и исходит из убеждения, что произвольные попытки воплотить эти идеалы в жизнь сопровождаются катастрофическими последствиями. Но! Само указание на желательность или нежелательность того или иного явления выдает глубоко субъективный подход к его восприятию. На наш взгляд, антиутопия не только не отрицает, но, напротив, утверждает, декларирует возможность построения «совершенного», с точки зрения позитивной утопии, общества. Однако антиутопия показывает, как утопический идеал по мере своего воплощения в действительность превращается в свою собственную противоположность [14, 378-395].

Появление антиутопий знаменовало исчерпанность идей и идеалов индустриализма, крах идеи прогресса, крах попыток «рационального устройства» общественной жизни. Фиаско потерпела не только тоталитарная модель социалистическо-коммунистической утопии; сомнению подверглись и ценности утопии либерально-гуманистической [15, 14].

На основании проведенного анализа утопии и антиутопии можно выделить их общие черты: повышенная чувствительность к будущему, острота ожиданий и предчувствий, проектирование образов и моделей, крайне восторженное или настороженное отношение ко всему новому.

Таким образом, **сущностью антиутопии** является представление отрицательного образа будущего, отражающего имеющиеся у части людей убеждения в недостижимости идеального общественного устройства, которое носит деструктивный характер и активно влияет на социальные процессы современности.

В системе общественных отношений функционируют различные механизмы и системы по созданию путей к достижению социальной справедливости. Такие системы создаются тогда, когда необходимо создать привлекательную или устрашающую для широких масс идеологию, с целью ее идеализации, обоснования или предостережения. А так же придания каким-либо концепциям настоящего или будущего тенденции развития.

Для выяснения содержательной стороны антиутопии необходимо выявить ее источники и причины возникновения.

Причины возникновения антиутопии часто выводятся либо из развития техники и естественных наук [16, 33], либо из чисто политических явлений [17, 193]. Каждый из этих подходов, взятый в отдельности, является односторонним и неполным. Воздействие, как научно-технического прогресса, так и событий политической жизни на формирование антиутопического видения мира было, безусловно, очень сильным.

Однако это воздействие было опосредовано теми социальными изменениями, которые произошли в мире на рубеже XIX-XX вв., которые по силе своего влияния на формирование антиутопической традиции не уступают влиянию науки, техники и политики. «Для того, чтобы под сомнение были поставлены не отдельные идеи утопистов, а сам дух социального утопизма, чтобы стремление к воплощению идеи социального совершенства было встречено скептицизмом, чтобы философ сказал: не надо утопий, не надо прогресса, не надо совершенства, ибо само стремление к совершенству несет ... гибель, для этого нужно было, чтобы буржуазная цивилизация вступила в полосу ... кризиса. Это произошло в XX веке и было впервые наиболее остро прочувствовано не столько даже западно-европейской, сколько русской интеллигенцией, уже давно жившей в предгрозовой атмосфере» [18, 158].

Эта предгрозовая атмосфера была выраже-

на известным русским правоведом и философом П.И. Новгородцевым в работе «Об общественном идеале»: «... Перед нами совершается крушение одной очень старой веры, – веры в возможность земного рая. Потерпели крушение не временные политические средства, а утопические надежды найти безусловную форму общественного устройства. Нет такого средства в политике, которое раз и навсегда обеспечило бы людям неизменное совершенство жизни.

Во-первых: надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая.

Во-вторых: надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем «достичь такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории» [19, 22-23].

Но антиутопия как обобщенный образ нежелательного и даже страшного будущего может рассматриваться и как следствие тех социально-исторических процессов, которые Н.А. Бердяев назвал «осуществлением утопии». Утопическая традиция свидетельствует о том, что вряд ли найдется хотя бы один автор утопического проекта, который бы тайно или явно не мечтал о его осуществлении. Стремление воплотить в жизнь утопический идеал общественного устройства насчитывает около двух с половиной тысяч лет. Так, Платон в IV в. до н.э. предпринял неудачную попытку реализовать принципы своего «идеального государства», рассчитывая на помощь тирана Сицилии Дионисия Младшего [20, 155]. «Государство Платона ... вероятно, было задумано для того, чтобы осуществить его на практике. Это не было так фантастично или невозможно, как могло бы ... нам показаться» [21, 125].

Томас Мор признает, что «в утопической республике имеется очень много такого», что он желает приобрести современным ему государствам [22, 39-140]. Однако начало XX века, принесшее человечеству мировую войну и целый ряд социальных преобразований, самым мощным из которых стала Октябрьская революция в России (сопровождавшаяся интервенцией и жестокой гражданской войной), заставило по-новому взглянуть на возможность реализации утопических идеалов.

Наиболее активным проповедником недопустимости осуществления утопий выступил Н.А. Бердяев. В 1923 г. в Берлине он написал небольшую работу под названием «Новое средневековье», в которой указывал: «Социалистические утопии, которые слишком многим представлялись золотыми снами человечества, никогда не обещали никаких

свобод. Они всегда рисовали картины совершенно деспотических обществ, в которых свобода была истреблена без остатка. Утопии плохо знали или забыли и слишком вздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления» [23, 70]. Именно эти слова Бердяева приводит в качестве эпиграфа к своему антиутопическому роману «О дивный новый мир» О. Хаксли, один из «классиков» антиутопии XX века. Утверждая, что утопия всегда осуществлялись в перевернутом виде [24, 353], что утопия всегда тоталитарна, всегда враждебна свободе, Бердяев пишет: «Когда утопии пытаются реализовать, то является мечта о несовершенной жизни, как более свободной и человеческой» [25, 4-162].

Эту мысль Бердяев проводит и в своей работе «О назначении человека»: «Все утопии совершенного социального и государственного строя еще в большей степени отрицают ценность свободы и ценность личности, чем несовершенный государственный и социальный строй. И в этом уравниваются все утопии...» [26, 185].

Происхождению подобного мировоззрения обязаны не только России XX века, пережившей три революции, две мировые войны и одну гражданскую. На рубеже XVIII-XIX веков немецкий поэт-романтик Иоганн Христиан Ф. Гельдерлин констатировал: «Что всегда превращало государство в ад на земле, так это попытки человека сделать его земным раем» [27, 126].

Характер и содержание антиутопии, таким образом, определяются тем, против чего предостерегают их авторы и во имя каких социальных ценностей они это делают. Антиутопия и утопия как общественное явление представляет собой способ отражения общественным сознанием определенных тенденций социального развития, направленных на один и тот же объект – общество. Однако, индустриально-технический прогресс, увеличение научных знаний, будучи включенными в общий процесс социального развития, показали перспективы негативного влияния на общество в целом, появление таких условий, при которых всестороннее развитие человеческой личности становится невозможной. Появление тоталитарных государств, которые лишают свободы и возможностей индивидуального самосовершенствования.

Таким образом, рассмотрение феномена антиутопии показывает, что при всем многообразии в подходах к исследованию антиутопии их объединяет общее: антиутопия является отрицательным образом будущего, как выражение убеждения части людей в недостижимости идеального обще-

ственного устройства, антиутопия носит деструктивный характер и активно влияет на социальные процессы современности. Антиутопия критикует возможности общественного развития с позиции диалектической взаимосвязи должного и недолжного, выступая социальным предупреждением, которое остерегает от недостаточно обоснованного утопического конструирования реальности будущего, которое может привести к разрушению не только личности, общества, но и человеческой цивилизации в целом. В этом заключаются основополагающие функции антиутопии, которые помогают более глубоко понять и раскрыть ее влияние на социальные практики современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мельник Г. С. Реклама внушение и манипуляция. – Самара, 2007.
2. Штепа В. RUтопия. – Екатеринбург, 2004.
3. Тульчинский Л., Эпштейна М.: Проективный философский словарь. М.: 2003.
4. Философский словарь. – М., 2001.
5. Полонский В. Утопия в литературе. <http://www.krugosvet.ru/articles/107/1010774/1010774a1.htm>
6. Фогт Л. Социальные утопии. – М., 1907.
7. Поздеева С. Социальная утопия: тип сознания, идеал и эксперимент. – Уфа, 1997. С.13.
- 7а Шестаков В. Эволюция русской литературной утопии. – М., 1990.
8. Егоров Б. Российские утопии. – СПб., 2004.
9. Штепа В. RUтопия. – Екатеринбург, 2004.
10. Manuel F. Toward a Psychological History Of Utopias. – N.Y., 1969.
11. Философский словарь. – М., 2001.
12. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. – 1988. – № 12.

13. Шестаков В. Русская литературная утопия: образ будущего. – М., 1995. С.36-37.
14. Франк С. Ересь утопизма. – М., 1992.
15. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М., 2003.
16. Kateb G. Utopia and its Enemies. – N.Y., 1972.
17. Polak F. The Image of Future. – Vol. 1, 2. – Leyden – N.Y., 1961.
18. Баталов Э. Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М., 1982.
19. Новгородцев П. Об общественном идеале. – М., 1991.
20. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1995.
21. Рассел Б. История западной философии.– Новосибирск, 1994.
22. Мор Т. Утопия // Утопический роман XVI-XVII веков. – М., 1971.
23. Бердяев Н. Новое средневековье: Рассуждение о судьбе России и Европы. – М., 1991.
24. Бердяев Н. Царство духа и царство Кесаря. – М., 1995.
25. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. – М., 1995.
26. Бердяев Н. О назначении человека. – М., 1993.
27. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. – № 10.

S. Brega
UTOPIA AND ANTI-UTOPIA PHENOMENON
AS THE PHENOMENON IN SOCIETY

Abstract: In present article the problem of revealing of the phenomena of a Utopia and anti-Utopia which represent results of gnoseological judgement of the social validity is considered and promote definition of essence of the given social phenomenon.

Key words: a Utopia, anti-Utopias, amphi-Utopianism.

УДК 140.8

Бурков Ф.Е.

**ХАРАКТЕР МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И АРМИИ***

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема мировоззренческих универсалий российского общества и армии в контексте культурно-исторического развития России. Показывается их единство, несмотря на определенное различие форм их исторического воплощения. Делается вывод о том, что современное российское общество переживает мировоззренческий кризис чреватый утратой своего мировоззренческого кода и исторической перспективы.

Ключевые слова: универсалии, мировоззрение, мировоззренческие универсалии, универсалии российского общества и армии.

В последнее время научное сообщество все чаще обращается к проблеме мировоззрения. Одним из аспектов данной проблематики является тема мировоззренческих универсалий. Понятие «универсалии» образовано от латинского «universalis» – общий. В эпоху Средневековья под универсалиями мыслились наиболее общие по-

* © Бурков Ф.Е.